

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 1
(1932)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

М. Изаксон

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА УзССР В ТАШКЕНТЕ

Центральный архив УзССР в Ташкенте занимает исключительное положение по богатству хранящихся в нем среднеазиатских актов. Можно смело сказать, что второго такого хранилища источников для истории Средней Азии периода империализма и революции мы нигде больше не имеем. Весь исторический путь Средней Азии с момента русского завоевания и до переживаемой нами эпохи социализма отражен памятниками Архива с большой полнотой и разносторонностью. Высокая историческая ценность этого хранилища при таких условиях едва ли может подвергаться сомнению, и приходится только удивляться тому, что оно до сих пор так мало привлекало исследователей.

В частности, и реже всего, отсутствие научного интереса проявляется в отношении так наз. национальных фондов Архива, т. е. тех фондов, акты которых составлялись на языках коренного населения. Между тем, в лице этих фондов советское востоковедение могло бы получить новую и далеко не мало важную базу для дальнейшего своего перевооружения. На самом деле, использование восточных актов для изучения истории Востока в свете марксистско-ленинской методологии не может быть сравнимо по значению ни с одной другой областью источниковедения. Публичные и частные акты Востока, в такой же степени как и акты Запада, являются памятниками тех самых социальных и экономических отношений, необходимость изучения которых так ясно встала перед советским востоковедением. Можно с уверенностью сказать, что всякая попытка действительно разрешить поставленные перед советским востоковедением проблемы, не прибегая к основному виду источников, заранее обречена на неудачу. В частности, в отношении Средней Азии это положение никем из востоковедов теоретически не отрицается, но практически все усилия привлечь среднеазиатские акты в качестве исторического источника сталкивались в Ленинграде с таким непреодолимым затруднением, как отсутствие наличных материалов. Тем большее значение приобретает ташкентский Архив, абсолютная ценность которого благодаря богатству хранящихся в нем фондов и без того достаточно велика. Суммарному описанию этих фондов посвящается настоящее сообщение.

Начало концентрации национальных фондов в Центр. архиве УзССР датируется с 1930 г.; с этого же времени лишь приступлено к правильной планомерной их обработке. При таких условиях не только детальные научные описания, но даже и распространенные архивные описи были совершенно невыполнимы

для соответствующих сотрудников Архива. Тем более, не может претендовать на детальность описания предлагаемое здесь сообщение: для такого описания не наступило еще время. Если это сообщение, в качестве предварительной информации, сможет возбудить среди востоковедов-специалистов интерес к Ташкентскому архиву и облегчить им первоначальный подход к национальным фондам, то пишущий эти строки будет считать свою задачу выполненной.

Национальные фонды Ташкентского архива в рабочей практике последнего разбиваются по номенклатуре на три основные группы — казийских, вакуфных и бухарских фондов. Эта номенклатура, при всей ее неточности, сохраняется в настоящем описании, ввиду ее простоты и удобства для первоначальной классификации.

«Казийские фонды» представляют собой самую большую группу фондов национальной секции Архива. Под этим общим наименованием подразумеваются все фонды, отложившиеся в камерах шариятских судей-казиев, реформированных и признанных русскими властями под официальным наименованием «народных судей». Описание этого института выходит за пределы настоящего сообщения, но для понимания значения фондов я вынужден, тем не менее, отметить, что юрисдикция туркестанских казиев распространялась, с одной стороны, на решение уголовных дел, примерно в пределах прав мировых судей старого режима, с другой стороны, на все гражданские дела, поскольку и те и другие касались исключительно представителей коренного населения. Уголовные и гражданские дела в равной мере решались на основании предписаний шарията. Кроме того, казии выполняли функции нотариусов при совершении всех нотариальных актов, предусмотренных шариятом и в пределах тех прав, которые шарият предоставляет им в этом отношении.

Историческая ценность данных фондов при таких условиях чрезвычайно легко определяется: эти фонды в своей совокупности отражают все экономические и социальные процессы, протекавшие в среде коренного населения за время русского владычества. В частности, все основные вопросы мобилизации земельной собственности, парцеллярного хозяйства, ростовщичества и эксплуатации находят в этих фондах основной и наиболее достоверный источник в силу того, что все правовые вопросы, связанные с имущественными отношениями, проходили через руки «народных судей». Казийские фонды, таким образом, являются наиболее непосредственными остатками тех социальных явлений, которые определили развитие исторического процесса в Средней Азии на данном промежутке времени.

До осени 1931 г. в Центр. архиве УзССР были сконцентрированы фонды казиев всех 3 областей административного деления Туркестана при старом режиме — Сыр-дарьинской, Самаркандской и Ферганской — но еще далеко не

в полном объеме. Общее число казийских фондов достигло 115, единиц хранения в них — 2879. Наибольшим числом фондов и единиц хранения из этого числа представлена Самаркандская область, имеющая всех фондов 65, единиц хранения в них 2091. Затем следует Сыр-дарьинская область с 42 фондами и 478 единицами хранения и, наконец, Ферганская область, представленная всего 8 фондами и 310 единицами хранения. Концентрация казийских фондов в Центр. архиве УзССР, насколько мне известно, продолжается.

По Самаркандской области представлены — г. Самарканд и уезды Самаркандский и Катта-Курганский. Г. Самарканд представлен 2 фондами со 105 единицами хранения; Самаркандский у. — 39 фондами с 1240 единицами хранения, Катта-Курганский у. — 24 фондами со 746 единицами хранения.

По Сыр-дарьинской области представлены: г. Ташкент и уезды Ташкентский и Чимкентский. Г. Ташкент представлен 6 фондами с 434 ед. хранения, Ташкентский уезд — 24 фондами с 30 единицами хранения и Чимкентский уезд — 12 фондами и 14 единицами хранения.

По Ферганской области представлены г. Коканд и Кокандский уезд. Г. Коканд представлен 6 фондами с 307 ед. хранения, Кокандский у. — 2 фондами с 4 единицами хранения.

Представляю общий список всех казийских фондов Национальной секции Центр. архива УзССР¹.

1. Самаркандская обл., Самаркандский у. фонды: Н. с. г. Самарканда. 64 (14,2) 1887—1903; 1880—1903; 1881—1887; 2. Самаркандский съезд н. с. 41 (0) 1879—1917. 3. Н. с. Ходжа-Ахрарского уч. 30 (16) 1903—1918; 1903—1917. 4. Н. с. Даульской в. 26 (13) 1903—1915; 1903—1916. 5. Н. с. Сугутского уч. 7 (0) 1888—1903. 6. Н. с. Кара-Калмакской в. 23 (11) 1903—1914; 1903—1915. 7. Н. с. Кабутской в. 69 (24) 1872—1916; 1872—1914. 8. Н. с. Ишим-Аксакий в. 23 (12) 1894—1914; 1903—1916. 9. Н. с. Искандарской в. 3 (1) 1911, 1899—1912. 10. Н. с. Джуйдиванской в. 70 (28) 1887—1918; 1880—1918; 11. Н. с. Джумабазарского уч. 75 (31,3) 1887—1917; 1878—1916; 1880—1910. 12. Н. с. Дагбитского уч. 61 (26,1) 1888—1919; 1888—1918; 1914—1919. 13. Н. с. 2-го Ходжа-Ахрарского уч. 32 (14) 1903—1918; 1903—1918. 14. Н. с. 1-го Шах-Зиндинского уч. 40 (17,2) 1903—1919; 1903—1918; 1902—1916. 15. Н. с. Янги-Курганского уч. 36 (11) 1888—1899; 1880—1897; 16. Н. с. Шахабской в. 15 (9,1) 1903—1919; 1905—1919; 1908—1910. 17. Н. с. Шираского уч. 49 (15,1) 1887—1903; 1878—1903; 1880—1885. 18. Н. с.; Янги-Казан-Арыкской в. 19 (11) 1903—1912) 1903—1914; 19. Н. с. Чашмаабской в. 56 (26,1) 1891—1918; 1890—1918; 1893—1896. 20. Н. с. Афаринкентского уч. 11 (0,2) 1872—1884; 1872. 21. Н. с. Снабского уч. 92 (34,11) 1887—1916; 1878—1919; 1885—1893. 22. Н. с. Челекской в. 39 (12) 1884—1899; 1880—1899. 23. Н. с. Анггарского уч. 78 (30) 1872—1915; 1872—1915. 24. Н. с. Хальвейской в. 21 (13) 1903—1918; 1904—1915. 25. Н. с. Ургутского уч. 64 (31) 1888—1918; 1886—1919. 26. Н. с. Тюя-Тартарской в. 25 (12) 1903—1914; 1903—1914. 27. Н. с. Сугутской в. 47 (15,1) 1872—1903; 1872—1903; 1885—1886. 28. Н. с. Пенджикентского уч. 1 (0) 1893—1894. 29. Н. с. Палван-Арыкской в. 26 (18,1) 1903—1915; 1903—1916; 1893. 30. Н. с. Махалинского уч. 82 (32) 1906—1917; 1878—1918. 31. Н. с. Матчинского суд. р-на 6 (2)

¹ В список ввожу следующие условные обозначения: н. с. — народный судья, суд. р-н — судебный район, в. — волость, уч. — участок, ч. — часть. Первая цифра для каждого фонда обозначает общее число единиц хранения книг (см. стр. 57). Цифра в скобках обозначает число нотариальных книг (см. стр. 60) в общем составе фонда. Вторая цифра в скобках обозначает число книг особого содержания (см. стр. 60, 67). Первая дата обозначает начало и конец записей нотариальных книг каждого фонда. Вторая дата то же для книг решений, (см. стр. 60—61). Третья дата то же для книг особого содержания.

1869—1899; 1889—1899. 32. Н. с. Кашгутской в. 3 (1) 1889—1890; 1888—1903. 33. Н. с. Кара-Тюбинской в. 37 (19) 1897—1915; 1897—1915. 34. Чрезвычайный съезд н. с. Самаркандского у. 2 (0) 1894—1899. 35. Джамбайский съезд н. с. 14 (0) 1891—1916. 36. Съезд н. с. Пенджикентского уч. 2 (0) 1863—1899. 37. Съезд н. с. Ангарского уч. 7 (0) 1906—1914. 38. Съезд н. с. Ургутского уч. 13 (0) 1903—1915. 39. Съезд н. с. Лаишского уч. 20 (0) 1880—1903. 40. Съезд н. с. Дагбитского уч. 10 (0) 1905—1916. 41. Съезд н. с. в селении Ходжа-Исмаил Ишим-Аксакской в. 6 (0) 1880—1885.

2. Самаркандская обл. Катта-Курганский у. Фонды: 42. Н. с. Катта-Курганского суд. р-на 66 (40) 1881—1906; 1881—1915. 43. Съезд н. с. Катта-Курганского суд. р-на 28 (0) 1881—1915. 44. Н. с. Чимбайского суд. р-на 19 (7) 1901—1906; 1901—1916. 45. Н. с. Джамского суд. р-на. 10 (2) 1906—1909; 1905—1915. 46. Н. с. Джуй Шахрского суд. р-на 38 (19) 1890—1913; 1892—1916. 47. Н. с. Пейшамбинского суд. р-на 96 (61) 1881—1915; 1881—1916. 48. Н. с. Наукинского суд. р-на 72 (36) 1881—1916; 1881—1916. 49. Н. с. Минг-Арыкского суд. р-на 22 (12) 1890—1918; 1900—1914. 50. Н. с. Митанского суд. р-на 76 (41) 1881—1916; 1881—1915. 51. Н. с. Ходжа-Арыкского суд. р-на 70 (30) 1881—1908; 1880—1916. 52. Н. с. Тусунского суд. р-на 14 (3) 1902—1909; 1901—1916. 53. Н. с. Челекского суд. р-на 15 (5.1) 1905—1913; 1905—1906. 54. Н. с. Сергалинского суд. р-на 10 (1) 1905; 1905—1916. 55. Н. с. Туркульского суд. р-на 13 (4) 1905—1910; 1905—1915. 56. Н. с. Янги-Курганского суд. р-на 16 (5) 1904—1908; 1903—1915. 57. Н. с. Ярбашинского суд. р-на 18 (6) 1902—1911; 1901—1915. 58. Н. с. Каль-Курганского суд. р-на 62 (38) 1881—1909; 1881—1918. 59. Н. с. Актюбинского суд. р-на 18 (4) 1902—1909; 1901—1916. 60. Н. с. Даш-Арыкского уч. 42 (23) 1891—1908; 1893—1916. 61. Н. с. Клыч-Абадского суд. р-на 2 (1) 1890—1892; 1890—1901. 62. Чрезвычайный съезд н. с. Катта-Курганского уезда 1 (0) 1906. 63. Съезд н. с. Челекского суд. р-на 8 (0) 1903—1915. 64. Съезд н. с. Митанского суд. р-на 10 (0) 1904—1915. 65. Съезд н. с. Пейшамбинского суд. р-на 20 (0) 1881—1915.

Сыр-дарьинская обл. Г. Ташкент. Фонды: 66. Н. с. Себзарской ч-и 93 (45) 1878—1922; 1880—1924. 67. Н. с. Шайхантаурской ч-и 110 (57.1) 1868—1918; 1872—1923; 1888. 68. Н. с. Кукчинской ч-и 75 (44.1) 1887—1916; 1870—1924; 1899. 69. Н. с. Бишагачской ч-и 94 (48) 1869—1916; 1870—1923. 70. Съезд н. с. гор. Ташкента 61 (0) 1869—1916. 71. Бий для ташкентских казаков 1 (0) 1882.

4. Сыр-дарьинская обл. Ташкентский у. Фонды: 72. 1-го н. с. Ниязбекской в. 2 (1) 1918—1919; 1918—1919. 73. Н. с. № 3 Чиназской в-и 2 (1) 1918—1919; 1918—1919; 74. Н. с. № 1 Кош-Курганской в. 1 (0) 1918—1919. 75. Н. с. № 2 Кош-Курганской в. 1 (0) 1918—1919. 76. Н. с. № 3 Кош-Курганской в. 1 (0) 1918—1919. 77. Н. с. Зангатинской в. 1 (0) 1918—1919. 78. Н. с. Александровской, Акджарской и Джетысуйской в. в. 1 (0) 1917—1918. 79. Н. с. Александровской в. 1 (0) 1918—1919. 80. Н. с. для кочевого населения

Джаусугумской в. 1 (0) 1915—1919. 81. Н. с. № 1 для кочевого населения Чиназской в. 1 (0) 1919. 82. Н. с. № 2 для кочевого населения Чиназской в. 2 (0) 1918—1919. 83. Н. с. № 1. для кочевого населения Той-Тюбинской в. и н. с. № 4 для кочевого населения Чиназской в.¹ 1 (0) 1 (0) 1914—1915; 1919. 84. Н. с. для кочевого населения Османатинской в. и н. с. № 4 для кочевого населения Джаусугумской в.² 1 (0) 1914—1915; 1919. 85. Н. с. № 2 для кочевого населения Ниязбекской в. 2 (0) 1918—1919. 86. Н. с. № 2 для кочевого населения Гайбатинской в. и н. с. № 3 для кочевого населения Зенгатинской в.³ 1 (0) 1917—1918; 1918—1919. 87. Н. с. для кочевого населения Зенгатинской, Ниязбекской и (наименование неразборчиво) вв. 1 (0) 1918—1919. 88. Н. с. № 1 для кочевого населения Зенгатинской в. 2 (0) 1918—1919. 89. Н. с. № 2 для кочевого населения Зенгатинской в. 2 (0) 1918. 90. Н. с. № 3 для кочевого населения Зенгатинской в. 1 (0) 1918—1919. 91. Бий № 4 Зенгатинской в. 2 (0) 1918—1919. 92. Н. с. № 1 для кочевого населения Александровской в. 1 (0) 1918—1919. 93. Бий № 1 Алтынновской в. 1 (0) 1918—1919. 94. Бий № 2 Алтынновской в. 1 (0) 1918—1919. 95. Н. с. № 3 для кочевого населения Алтынновской в. 1 пакета разрозненных листов. Дата не рассмотрена.

5. Сыр-дарьинская обл. Чимкентский у. Фонды: 96. Н. с. г. Чимкента 1 (0) 1903. 97. Н. с. 1-го аула Бадамской в. 2 (0) 1904—1906. 98. Н. с. 4-го аула Бадамской в. 1 (0) 1903—1904. 99. Н. с. № 2 Байджигитской в. 1 (0) 1909. 100. Н. с. Иканской в. 1 (0) 1911. 101. Н. с. № 3 Караташской в. 1 (0) 1914. 102. Карнакский н. с. 1 (0) 1912. 103. Н. с. № 4 Курганджарской в. 1 (0) 1914. 104. Третейский суд⁴ Казыгуртовск. в. 1 (0) 1907. 105. Чрезвычайный съезд н. с. Чимкентского у-а 1 (0) 1910. 106. Съезд н. с. Чимкентского у-а 2 (0) 1900—1914. 107. Съезд н. с. Бадамской в. 1 (0) 1906.

6. Ферганская обл. Г. Монанд. Фонды: 108. Н. с. П р-на 1 (0) 1920. 109. Н. с. Катаганской ч-и 63 (44) 1888—1923; 1887—1923. 110. Н. с. Маргеланской ч-и 83 (58.2) 1888—1923; 1888—1923; 1895—1902. 111. Н. с. Сарымазарской ч-и 65 (63) 1892—1923; 1892—1923; 112. Н. с. Ходжентской ч-и 26 (26) 1898—1923. 113. Съезд н. с. Сарымазарской ч-и 48 (48) 1900—1919.

7. Ферганская обл. Монандский у. Фонды: 114. Ц. с. Гандикировской в. 1 (0) 1918. 115. Н. с. Кенегезской в. 3 (3) 1908.

1 Акты об оных судей содержатся в одной и той же книге. Чиназский судья в 1919 г., видимо, воспользовался свободным местом в книге, в которой вел свои записи Той-Тюбинский судья в 1914—1915 гг.

2 То же, что № 83.

3 То же, что № № 83 и 84.

4 Сущность третейского суда в Туркестане этой эпохи для меня не ясна. Фонд включен в общий список, так как выделить его отдельно не представилось мне удобным, ввиду его незначительности.

В приведенном только что списке отмечаем две особые группы фондов. Прежде всего фонды съездов и чрезвычайных съездов «народных судей», как видно из списка, представлены в числе 19, в том числе 14 для Самаркандской обл., 4 для Сыр-дарьинской и 1 для Ферганской.

Не имея, повторяю, возможности сколько-нибудь детально исследовать здесь структуру института «народных судей», ограничиваюсь указанием, что съезды являлись второй инстанцией по отношению к ординарным «нар. судьям» края. Лица, недовольные решениями «народных судей», могли апеллировать к съездам как по уголовным, так и по гражданским делам.

Вторую группу фондов, заслуживающих особого внимания, составляют фонды биев или «народных судей для кочевого населения», состав которых сильно отличается от обычных казийских актов. Суд биев, утвержденный русской колониальной администрацией для кочевого населения Туркестана, не представлял собою, как известно, шариатского суда: дела решались в нем на основании кочевого обычного права, которое является правом изустной традиции и, вообще говоря, не оставило или почти не оставило письменных памятников. Тем более значительными становятся поэтому для исследователей кочевого населения Туркестана архивные фонды биев русского периода. Фонды Ташкентского архива, о которых идет речь, представлены, к сожалению, только Ташкентским уездом и очень поздним временем, но, с одной стороны, можно надеяться на дальнейшее их обогащение, с другой стороны, имеются все основания полагать, что архивы Казакстана, и может быть Киргизии, содержат более обширные собрания актов этого рода.

В остальном состав фондов приведенного только что списка в большей степени однороден. Единицей хранения для всех их без исключения является книга, так как все без исключения казийские акты вносились в особые казийские книги. Отдельных актов настоящие фонды не содержат за вычетом единичных экземпляров, повидимому, забытых среди листов некоторых книг.

Среднеазиатские казийские книги русского периода можно разделить на два образца. Для первых лет этого периода характерны относительно небольшие, неразграфленные книги, иногда из бумаги местного образца, которые близко напоминают книги казиев до завоевания. Таких книг немного и в большинстве случаев они встречаются только среди самаркандских фондов. Большинство казийских фондов составляют книги обычного русского канцелярского образца *in folio*, разграфленные и снабженные отпечатанным формуляром для облегчения производства записей. Книжки свои получали казии от русской администрации с русскими заголовками, указанием числа листов и проч. формальностями.

Акты, содержащиеся в казийских книгах различных фондов, также вполне однородны по форме. Каждый казий, как выше упоминалось, был одновременно

и судьей и нотариусом. В соответствии с этим казийские акты делятся на два основных вида — судебных и нотариальных актов. Для записи актов того и другого вида у каждого казия имелись различные книги с особыми графами и особым печатным формуляром. (В том случае, конечно, когда они были печатно оформлены). Книги первого образца имеют надпись: «Книга для записи решений», книги второго образца надпись: «Книга для записи актов».

Книги для записи решений содержат судебные акты с основным подразделением по формуляру на приговоры по уголовным делам и решения по исковым делам. Таким образом, в отношении основных формуляров акты этого рода чрезвычайно однообразны, но в то же время по содержанию своему, зависящему от состава разбиравшихся дел, они в высшей степени разнородны, охватывая всю совокупность правонарушений в среде коренного населения за длительный период времени.

Нотариальные книги в общем составе фондов представлены 1417 единицами. Эти книги в громадном большинстве своем служили для всех вообще нотариальных записей, благодаря чему они, вообще говоря, содержат все формы нотариальных актов, совершавшихся у «народных судей». Но, в частности, для фондов Самаркандской области встречаются отдельные книги, служившие для записи только одной какой-либо категории нотариальных актов. Так, для Кубутской в. имеется «Книга для записи продаж», для Афаринкентской в. — «Книга для внесения сведений о вакуфах» от 1872 г.; для Челекской в. — «Книга для записи лухат» (т. е. *لطفه* бесхозяйственное имущество), от 1884—1887 гг., для Ангарской в. имеется «Книга для записи раздела имущества при наследстве», от 1872 для Сугутской в. «Книга для записи прогульного скота» от 1872 г. Кроме того встречаются книги для записи доверенностей (*وكالة*); долговые книги (*قرض*) и некоторые другие.

Наряду с книгами для записи актов, фонды содержат небольшое число — 80 единиц — книг для разнородных записей — делопроизводственного, счетоводного и пр. содержания. Наибольшее число книг этой категории выпадает на долю «опекунских книг», которые по Самаркандскому уезду встречаются в фондах целого ряда волостей — Джумабазарской, Дагбитской, Шах-Зиндинской, Шахабской, Ширазской, Чашмаабской и Сугутской. В фонде съезда народных судей Сарымазарской части г. Коканда таких книг одновременно 47 за период времени с 1902 по 1919 г. В числе разнородных книг можно назвать еще «Приходную книгу по аренде» для г. Самарканда, «Книгу входящих и исходящих» для Сугутской в. Самаркандского у. и пр. Обособленное место среди этой категории состава фондов занимают 2 книги из Самаркандского у.: 1. «Книга для учета урожая» от 1872 г. Афаринкентского уч. и 2. «Книга для раскладки налогов» от 1885 г. Слабского уч. Обе эти книги указывают на админи-

стративно-налоговые функции казиев в ранний период колониальной эпохи Туркестана.

Число актов, заключенных в казийских книгах Архива, с трудом поддается даже приближенному подсчету. Различные книги имеют различное число страниц с очень большими колебаниями. Некоторые актовые книги ташкентских городских казиев достигают двух тысяч заполненных страниц, тогда как книги сельских судей и тем более биев иногда не превышают нескольких десятков использованных листов. Лишь с очень большой натяжкой можно определить средний размер казийской книги в 300 заполненных страниц. На странице иногда умещается несколько актов. Помножив общее число наличных книг на среднее число страниц в книге и на число актов, помещающееся в среднем на 1 странице, мы получим некую громадную семизначную цифру, очень далекую от точности, но, тем не менее, очень полезную для представления о богатстве фондов.

Классификация и номенклатура казийских актов до тонкости разработаны шариатом, который предусмотрел значительное число формуляров актов, обнимающих все стороны правовой жизни (в данном случае) среднеазиатского коренного населения. Описываемые фонды, в частности, содержат целый ряд актов разнообразного формуляра и различной номенклатуры, повторяющихся однако же в более или менее постоянной последовательности во всех представленных здесь казийских книгах.

Мы имеем в них судебные приговоры по гражданским делам *حکم نامه*, по уголовным делам: *جزانا*, штрафы *حکومة عدل*, мировые сделки *نامه صلح* и пр., а также целый ряд нотариальных актов различной номенклатуры: *نکاح* — брачные контракты, *طلاق* — о разводе, *حلع* — а также о разводе, но по другой форме, *وصية* — о завещании, *ولاية نامه* — о назначении опеки, *اثبات نسب* об утверждении наследников, *قسمة ميراث* — о разделе наследства, *شرکه* — о заключении торгового или промышленного товарищества, *قسمة شرکه* о разделе товарищеского имущества, *اقاله* — о расторжении торговой сделки, *کفالة* — о поручительстве, *مبادلة* — о мене имущества, *قرض* — о долговом обязательстве, *رهن* или *کرو* или *بیع جائز* — о залоге, *اجارة* — об аренде или найме рабочей силы, *بیع بات* — о продаже движимого или недвижимого имущества, *وقف نامه* — о пожертвовании имущества в пользу религиозного учреждения, и целый ряд других.

Язык актов для большинства фондов — узбекский. Только в некоторых самаркандских волостях акты составлялись на персидском языке, причем иногда можно проследить переход от таджикского к узбекскому языку в одном и том же фонде, и даже иногда в одной и той же книге. Язык, на котором писали свои акты бии, мне в точности не удалось определить. По тем данным, которые у меня

имеются, полагаю, что они соединяли в одно целое элементы узбекского литературного и казакского народного языков.

Язык казийских актов в качестве исторического показателя характерен в том отношении, что он представляет собой одно из проявлений политики царизма в Туркестане. До русского завоевания судебным языком в Средней Азии был персидский, который в Бухарских владениях сохранил это свое значение до самой ликвидации казийского суда после революции. Носителями этого языка были казии, вышедшие из среды феодально-духовных элементов, получивших соответственное образование. Русские колониальные власти в борьбе против этих элементов объявили должность народных судей выборной, а языком судопроизводства установили родной язык населения. Тем самым байские элементы, представители компрадорской буржуазии получили доступ к занятию казийских мест и возможность выполнять судебные функции без знания персидского языка, который, как известно, совершенно непонятен узбекам, не получившим специального образования. Таким образом, несколько комический для царской администрации «демократизм», проявленный в судебном устройстве коренного населения Средней Азии, легко объясняется довольно правильно рассчитанным тактическим приемом.

Среднеазиатские вакуфные документы избежали того «заговора молчания», которому подверглись казийские книги. Их хорошо знал и частично использовал В. Л. Вяткин, данные которого неоднократно цитировал в своих трудах акад. В. В. Бартольд: кое-какие сведения о них встречаются также в старой туркестанской статистической периодике. Тем не менее научную информацию о вакуфных документах можно считать почти отсутствующей. Наличные сведения не дают общего представления ни о вакуфных документах вообще, ни, тем более, о составе собраний Ташкентского архива. Между тем, полезность такой информации легко иллюстрируется хотя бы недавним замечанием историка Средней Азии А. Ю. Якубовского,¹ который возражал на мое предложение о планомерном изучении среднеазиатских архивов, предлагая востоковедам ограничиваться исключительно восточными фондами. Такое замечание не могло бы, конечно, иметь места при наличии правильной информации, так как оно, собственно, свелось бы к полному отрицанию необходимости работы над среднеазиатскими архивными фондами вообще. Дело в том, что среди дореволюционных фондов среднеазиатских архивов вообще не существует восточных фондов в собственном смысле этого слова, так как все они состоят из дел местной русской администрации. Восточные акты встречаются в них только в качестве приложения к русским правительственным актам, и если бы административные фонды остались неизученными,

¹ На заседании сектора феодальной формации ГАИМК от 27 VI 32 г.

то, естественно, не были бы обнаружены и восточные акты. В частности, в таком положении находится громадное, единственное в своем роде собрание вакуфных документов Ташкентского архива. Термин «вакуфные фонды» — не более чем рабочее сокращение. В действительности никаких вакуфных фондов не существует. Существуют части фондов русских административных учреждений, содержащие в приложении большое количество вакуфных актов.

История образования большого собрания вакуфных документов в Ташкентском архиве тесно связана с историей земельной политики царизма в Туркестане. Царские власти, как известно, вскоре после завоевания края предприняли экспроприацию феодальной земельной собственности и быстро провели эту меру в отношении военно-феодального сословия. В отношении духовенства упрощенные методы действия оказались гораздо менее доступными в виду его большого влияния и в силу особого характера бывших в его распоряжении вакуфных владений. О последних приходится здесь сказать несколько слов поскольку это необходимо для понимания значения вакуфных документов.

Вакуф (وقف) — остановка, задержка) как юридический термин означает «пожертвование имущества в пользу богоугодного заведения».¹ Юридическое определение однако же совершенно не исчерпывает действительного содержания этой категории условной собственности. Под правовой оболочкой «пожертвования в пользу богоугодных заведений» вакуфное владение землей и др. недвижимостями скрывало в сущности земельную собственность духовенства, аналогичную монастырской собственности в России и на Западе эпохи феодализма. С другой стороны, имеются все основания предполагать, что исторически вакуфная собственность явилась юридической формой перехода от первоначальной архаических форм феодального землевладения к более развитым (вотчинным) формам. Во всяком случае, в тех туркестанских вакуфах, о которых идет речь, жертвователи оставляли за собой и за всем своим потомством обусловленную долю доходов с жертвуемого имущества, избавляясь в то же время от налогового прессы, так как вакуфные земли до русского завоевания принадлежали к разряду «обельных» земель, не плативших никаких налогов в эмирскую казну.

Прямая экспроприация такой обширной категории землевладения, грозившая жизненным интересам широких слоев собственников, была, очевидно, признана невозможной представителями колониальной администрации. Поэтому, все вакуфные права, существовавшие до завоевания были признаны неприкосновенными, но при условии правильности владения и управления вакуфными имуществами. Для установления таковой в каждом данном случае властями была предпринята генеральная проверка, в результате которой права на владение значительной

¹ Сохраняю принятое в востоковедческой литературе выражение.

частью вакуфного имущества были отвергнуты, а «обеление» можно считать было отменено совсем. Таким образом, была произведена частичная экспроприация, которая, надо полагать, все-таки не полностью удовлетворила царское правительство, поскольку вопрос об окончательной судьбе вакуфного владения оставался открытым вплоть до самой революции.

Проверкой вакуфной собственности руководили Областные правления, — Сыр-дарьинское, Ферганское и Самаркандское, — которые с этой целью затребовали от владельцев вакуфного имущества представления всех наличных у них документов на право владения. Во всех трех правлениях, таким образом, возникло большое число дел о проверке вакуфов, содержащих в приложении подлинные вакуфные документы. Дела эти, выделенные из общего состава фондов Правлений, были переданы в нац. Секцию Архива под общим наименованием «вакуфных фондов». В этот же состав были включены содержащие переписку о вакуфных делах, фонды начальников уездов и пр., перечень которых дается мною в ниже-следующем описании.

Представляю перечень «вакуфных фондов» с тем, чтобы затем несколько остановиться на их содержании. Наименования фондов приводятся мною в точности по существующим на их делах заголовкам:

1. Сыр-дарьинское Областное правление. Временное поземельно-податное отделение с 1887 по 1909 г. Отделение хозяйственное, стол 1-й, 1894—1904. Всего 246 дел — 1 связка документов.

2. Ферганское Областное правление. Отделение поземельно-податное; Отделение хозяйственное, стол 1-й; Отделение распоряжений, стол 1-й; с 1883 по 1915 г. Всего 2641 дело — 2 связки документов.

3. Самаркандское Областное правление. Временное поземельно-податное отделение и Отделение 2-е, стол 1-й;¹ 771 дело — 1 пачка документов.

4. Центральное вакуфное управление при Народном комиссариате просвещения Киргизской АССР, Ликвидационный комитет; 1928 год; 1 пачка документов.

5. Кокандское уездное управление. Часть хозяйственная; 1905—1913 гг.; 5 дел — 2 связки документов.

6. Управление Начальника Маргелланского уезда; 1876—1881 г.; 4 дела.

7. Маргелланское уездное управление. Стол хозяйственный; 1897—1910 гг.; 25 дел.

8. Пригородный участковый пристав Маргелланского уезда; 1908—1909 гг.; 1 дело.

9. Канцелярия начальника Скобелевского уезда; 1887—1916 гг.; 3 дела.

¹ Запись даты к сожалению утеряна.

10. Управление начальника Чимионского уезда; 1876—1877 гг.; 1 дело.

11. Управление начальника Исфаринского уезда; 1879 г.; 1 дело.

12. Канцелярия Самаркандского уездного начальника; 1913—1914 гг.; 2 дела.

Всего дел 3700; связок документов 7.

Состав дел перечисленных фондов чрезвычайно однообразный, можно сказать, стереотипный: заключение специального чиновника («комиссара») о достоверности представленных в Правление документов, отчет того же чиновника о фактическом состоянии вакуфного имущества на основании осмотра на месте, окончательное заключение чиновника и ряд резолюций по инстанциям — таков постоянный состав этих дел, иногда разнообразимый перепиской о возникших разногласиях. Тем не менее, едва ли можно отрицать научный интерес этих дел, так как едва ли можно надеяться найти в другом месте такое сконцентрированное подробное описание вакуфных земель и недвижимостей, доходов с них, отношений между владельцами и дейханами, арендаторами и пр.

Для историков востоковедов все же наибольший интерес представляют собственно восточные акты, содержащиеся в приложении к делам данных фондов, но надо сказать далеко не всех. Их содержат собственно только первые четыре фонда, т. е. Сыр-дарьинского, Ферганского и Самаркандского правлений и Центрального вакуфного управления КирССР.¹ Некоторые другие фонды содержат только копии, но не подлинники вакуфных документов, вследствие чего они мною в дальнейшем изложении в расчет не принимаются.

Вакуфных документов во всех фондах содержится всего 5162²

Из этого числа фонд Сыр-дарьинского правления содержит 355 актов. В том числе *وقفنامە* вакфнамэ 264 экз., копий с вакфнамэ 33 экз., *عنايتنامە* ынаятнамэ 29 экз., *وٲيقە* васика 18 экз., *حکم نامه* хюкмнамэ 8 экз., *روايت* ривоят 1 экз., *فرمان* 2 экз.

Фонд Ферганского областного правления содержит 3268 актов. В том числе вакфнамэ 2996 экз., копий с вакфнамэ 33 экз., ынаятнамэ 175 экз., васика 48 экз., *وڪالت* 1 экз., *رونخط* 1 экз., *تباخط* 3 экз., *رابطه* 1 экз., *حکم* 1 экз., *تذکره* 1 экз., *رخصت* 1 экз., *بوزيق* 5 экз., ривоят 2 экз.

Фонд Самаркандского областного правления содержит 1539 актов. В том числе вакфнамэ 1451 экз. Копий с вакфнамэ 3 экз., ынаятнамэ 65 экз., копий с ынаятнамэ 7 экз., васика 8 экз., хюкмнамэ 5 экз.

¹ Связка актов этого фонда неразобрана и не имеет описи. Всех актов, повидимому, здесь несколько десятков. В дальнейшем изложении они мною не рассматриваются и не включаются в общий итог.

² Общая сумма документов заведомо преуменьшена на несколько единиц, в виду того, что в Сыр-дарьинском фонде остались неучтенными некоторые единичные акты второстепенного значения.

Всего по всем трем фондам вакфнамэ и копий с них 4780, ынаятнамэ и копий с них 276, ривоят 3, остальных 103.

Подавляющее большинство документов всех трех фондов датирует XIX в., но Самаркандский фонд, вообще говоря, старше двух остальных, так как его документы в большинстве датируют первой половиной XIX в., тогда как Сырдарьинские и Ферганские акты относятся большей частью ко второй половине столетия. Кроме того, все три фонда насчитывают значительное число документов XVIII в. и старше в убывающей прогрессии — вплоть до единичных экземпляров XVII и XVI вв.

Состав документов «вакуфных фондов», как видно из приведенного списка, далеко не однороден. Употреблявшийся до сих пор в настоящем сообщении общий термин «вакуфные документы» служил только для удобства изложения. На самом деле термин «вакуфные документы», принятый в востоковедческой литературе, может быть отнесен только к одному виду приведенных актов, именно, к вакфнамэ, но и в этом случае с большой степенью допущения и с существенной оговоркой. Вакфнамэ, действительно, и по содержанию и по номенклатуре может быть назван вакуфным документом, но вместе с тем надо иметь в виду, что он представляет собой во всех отношениях такой же частноправовой, нотариально удостоверенный казием акт, как и все другие казийские акты. Другими словами, вакфнамэ является одною из разновидностей казийского акта и при научной классификации должен рассматриваться как таковая.

В виду исключительного значения вакфнамэ для описываемого собрания, сообщаю здесь в кратчайшем виде формуляр этих актов. Вакфнамэ начинается с более или менее длинного «богословия» (حرف), после которого следует дата, наименование жертвователя (или жертвователей) и формула пожертвования. Далее идет описание жертвуемого имущества с точным обозначением границ и других признаков, а затем клаузулы, определяющие мутевалия (т. е. управляющего вакуфом) и распределяющие статьи дохода между религиозными учреждениями, жертвователями и т. д. Затем следует заключительный протокол, скрепляющий сделку и знаки удостоверения в виде печати казая и подписей или печатей сукаат (ثقات), т. е. свидетелей или понятых из числа доверенных, знающих закон лиц.¹

Следующим за вакфнамэ по числу представленных в настоящем собрании экземпляров является акт ынаятнамэ, который вводит нас в совершенно иную область — среднеазиатских публично-правовых актов. Ынаятнамэ представляет собой письменное эмирское повеление, отличное от ярлыка своей менее торжественной формой. Иными словами, акты ынаятнамэ представляют собой наиболее

¹ В виду своеобразия института ثقات затрудняюсь перевести это слово одним из понятий «свидетели» или «понятые».

простые и краткие эмирские грамоты, разрешающие всевозможные служебные и частно-правовые вопросы. В данном случае, в отношении вакуфного имущества эмиры давали свои ынаятнамэ на предмет «обеления» недвижимостей, т. е. на право освобождения от налогов.

Русские власти, признавшие юридически все права, дарованные вакуфам прежними государями, затребовали от владельцев, наравне с другими документами, также и эти акты, причем оказалось, что именно они явились камнем преткновения для множества владельцев. Выяснилось, что большинство владельцев либо совершенно не смогло представить нужные для «обеления» грамоты, либо представило такие, которые не были признаны русскими властями действительными.

Остальные «вакуфные документы» еще меньше имеют право на это наименование, чем ынаятнамэ. Описание этих документов здесь невозможно даже в кратчайшем изложении, поскольку оно вышло бы далеко за пределы поставленной мне задачи. Укажу только, что вышепоименованные акты *حکم نامه روخط* являются обычными казийскими документами с той единственной особенностью, что они относятся к вакуфному имуществу. Акты, поименованные *تذکر* представляют собой русские бумаги, переведенные на узбекский язык и по содержанию также относящиеся к вакуфному имуществу. Наконец, ривоят, который является юридической справкой высшего законоведа, представляет собой совершенно своеобразный вид шариатского «консультационного» акта.

Третьей основной группой фондов Нацсекции являются так наз. бухарские фонды, имеющие только узкоспециальное значение. Эти фонды состоят из дел правительственных учреждений Бухарской Народной Республики за весь период ее существования с 1920 по 1926 г. В их числе представлены фонды ревкома, всех назиратов БНР, Совета народного хозяйства, Вакуфного управления и т. д. По составу дел эти фонды в общем ничем не отличаются от обычных архивных материалов советских правительственных учреждений в других пунктах СССР за тот же период времени. Исторический интерес они могут иметь для истории революционного и послереволюционного периода в б. Бухарском ханстве.

На особом месте среди бухарских фондов находится так наз. фонд Кушбеги, т. е. главы администрации — «премьер-министра» эмира бухарского. Фонд этот еще окончательно не разобран, но, насколько позволяет судить разобранный часть и просмотр на выборку остального его состава, он почти целиком состоит из дел переписки между Кушбеги и «имп. Русск. дипломатическим агентом в Бухаре». Содержание переписки лишь в очень небольшой степени носило политический характер и заключалось главным образом в регулировании коммерческих

и всевозможных денежных недоразумений между русскими и бухарскими подданными. В частности, здесь представлены многочисленные претензии всевозможных торговых и промышленных обществ, закупавших бухарский хлопок, шерсть и пр.

Акты фонда Кушбеги в его собственно бухарской части составлены на персидском языке, но по европейской форме и при соблюдении правил европейского делопроизводства, в котором видимо существовал точно установленный порядок. Даже те приказы и всевозможные отношения, адресованные провинциальным бухарским властям, которые в этом фонде непрерывно встречаются, строго подчинены европейским канцелярским правилам.

Бухарская группа фондов едва ли может представить для востоковедов такой же интерес, как предыдущие. Принимая даже то, менее вероятное, предположение, что ее источники не дублируются другими фондами других секций Архива, мы не имеем в ней собственно восточных по форме актов, интерес к которым для востоковедения несомненно выступает на первый план. Поэтому ограничиваемся здесь вышесказанным о фондах данной группы, тем более, что описание, хотя бы и суммарное, этих фондов привело бы нас к постановке таких вопросов новейшей истории Бухары, которые, конечно, неуместны в настоящем сообщении.

Особое место среди фондов национального отдела занимает пока еще небольшая коллекция документов, собранных с чисто научной целью. Своим происхождением эта коллекция обязана тому обстоятельству, что в Центральном архиве УССР в начале 1930 г. был поставлен вопрос об изучении среднеазиатских документов, для разрешения которого потребовались материалы из эпохи, предшествовавшей русскому завоеванию. В виду недостаточности таких материалов в фондах самого Архива, нацсекция тогда же приступила к приобретению старых актов, находящихся на руках у населения. В результате собирательской работы, продолжавшейся нацсекцией и в 1931 г., возникла настоящая коллекция.

Коллекция содержит 221 экз. зарегистрированных документов, которые почти целиком приобретены в Ташкенте и относятся к этому городу и к его окрестностям; только 12 экз. из общего числа приобретены в г. Самарканде. В составе коллекции представлены три основные разновидности среднеазиатских актов: казийские акты, ривояты и ханские ярлыки. Казийские акты, представленные сильнее, чем все остальные документы, вполне совпадают по форме и по содержанию с такими же актами русского периода. Ривоят *روایت* представляет собой (см. выше стр. 21) юридическое толкование судебного вопроса, которое дается высшим законоводителем (как правило муфтием) по делу, подлежащему юрисдикции казия. Наконец, ярлыки — ханские указы самого разнообразного характера, составленные в торжественной форме всеобщего обращения, в некоторой

степени известны из востоковедческой литературы и (по условиям места) не поддаются здесь даже приближенному описанию. Указываю только, что в большинстве ярлыки данной коллекции имеют частно-правовое содержание, являясь, в частности, актами пожалования земель на правах обельного владения различным юридическим лицам. Имеются также ярлыки на предмет прорытия оросительных каналов, назначения должностных лиц и пр. Юридическими лицами, которым были выданы некоторые из этих ярлыков, являлись те или иные коллективы — казакские родовые общества, города или общины «ходжей».

Коллекция целиком относится к XIX в. Некоторые акты датируют самым началом столетия: напр. «раздельная» от 1809 г. بيع بات, от 1813 г. и т. д. Несколько более поздними являются «ривояты», напр., решение о наследстве «от 1823 г. о неправильности торговли» от 1838 г. и др. К первой половине XIX в. относятся также наиболее старые из представленных здесь ярлыков, напр. ярлык Худояр-хана от 1252 г.

Описанными фондами нацсекции едва ли исчерпывается все содержание Архива в интересующем нас отношении. Считаю совершенно неиспоримыми тот факт, что изучение фондов других секций, кроме национальной, еще значительно пополнит состав восточных собраний Архива. Надо сказать, что, в отличие от вышеприведенного мнения А. Ю. Якубовского, знакомство с основными дореволюционными фондами архива, особенно же с фондами первых лет завоевания, должно, по имеющимся у меня сведениям, обнаружить еще большее количество восточных актов, хранящихся среди русских дел. Русская администрация, юридически признавшая в первые годы завоевания все старые имущественные права населения, тем самым признала юридическую силу старых «ханских» документов, которые принимались в качестве доказательства во всевозможных тяжбах, процессах и т. д. Таким образом, во всевозможные дела первых лет завоевания попадали восточные акты, которые хранятся в этих делах до сих пор. Дела такого рода могли быть и судебными и административными, вследствие чего их нужно искать как среди судебных, так и среди административных фондов. В частности, громадный фонд Туркестанского генерал-губернатора вне всякого сомнения содержит ряд восточных актов, что подтверждается показаниями старого архивиста и знатока этого фонда сотрудника Архива тов. Васильева.

Значение перечисленных фондов в качестве исторического источника для эпохи Туркестана-колонии не может, конечно, вызвать никаких сомнений — с трудом можно себе представить такие вопросы общественной жизни коренного населения данной эпохи, которые не были бы отображены в настоящих фондах. Более того, определенные экономические вопросы для определенных

территорий могут быть освещены этими фондами вполне исчерпывающе — со статистически точными исчислениями на протяжении десятилетий.

Несколько более сложным представляется вопрос об использовании национальных фондов Архива для изучения феодальной формации в Средней Азии. Ташкентский архив, образовавшийся как русский правительственный архив, не может, конечно, претендовать на значение основного древлехранилища для старинных среднеазиатских актов. Тем не менее, и в этом отношении его не приходится совершенно игнорировать при отсутствии других доступных для пользования собраний. Несомненно, что правильно поставленный сбор среднеазиатских актов быстро пополнит недостаток наличных материалов, но это является всетаки делом времени, да и самое коллекционирование требует определенного знакомства с предметом, которое легче всего может быть достигнуто изучением ташкентских фондов.

Изучение актов Ташкентского архива для историка феодальной формации в Ср. Азии возможно в нескольких отношениях. Прежде всего, вакуфные фонды и документальная коллекция над. секции дают непосредственный материал для изучения среднеазиатского феодализма и феодального землевладения в частности. С другой стороны, казийские книги содержат неисчерпаемое количество этнографических сведений как чисто бытового, так и общественного характера, которые могут быть использованы в качестве исторического источника наравне с другими этнографическими данными, собранными иным путем. Точно так же обстоит дело и с археологическими сведениями в узком смысле этого слова, громадное количество которых могут дать главным образом вакуфные фонды, но отчасти и казийские. Труды В. Л. Вяткина особенно показательны именно с точки зрения использования актов для археологических исследований формального порядка.¹

Необходимо также отметить еще один момент использования ташкентского собрания, который пишущим эти строки выносятся едва ли не на первое место. Этот момент — формальное изучение восточного акта, т. е. создание среднеазиатского документального источниковедения, которое ни в одном другом месте не имеет для себя такой питательной среды, как в Ташкентском архиве. Надо сказать, что использованию восточных актов в качестве исторического источника неизбежно должно сопутствовать их формальное изучение, без которого они просто не поддаются дешифровке. Затруднительность самого чтения восточных актов неоднократно отмечалась учеными востоковедами, некоторые из которых даже выдвигали ее как основную причину игнорирования документальных источников востоковедением. Кроме того, целый ряд затруднений могут возбудить и класси-

¹ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902.

фикация, и номенклатура, и особенно состав клаузул среднеазиатских актов, основанный на сложной системе шариатских указаний и комментариев к ним. Поэтому формальная сторона вопроса принимает здесь едва ли не большее значение, чем для всех других видов источниковедения и во всяком случае много большее значение, чем для изучения нарративных исторических источников, принятых востоковедением.

Ташкентский архив на основании своего обширного и разнообразного материала дает полную возможность в общих чертах проделать основную работу по формальному изучению восточного акта; все многочисленные формы казийского акта и отчасти ярлыки, ынаятнамэ и ривояти могут быть с этой точки зрения изучены, не выходя из стен Ташкентского архива. Таким образом, научный работник, прежде чем перейти к поискам и сбору среднеазиатских актов, может получить о них в Ташкентском архиве то общее представление, которое при существующих условиях не может быть достигнуто ни изучением литературы, ни с помощью специалистов, ни знакомством с каким-либо другим собранием, так как весь этот обычный научный аппарат в данном случае совершенно отсутствует.

С этой точки зрения роль восточных собраний Ташкентского архива в высокой степени перерастает их значение как исторических источников эпохи феодализма в Средней Азии. Притом же надо отметить, что чрезвычайно благоприятным фактором для формального изучения¹ среднеазиатских актов является то обстоятельство, что форма их изменялась чрезвычайно медленно.

Новейшие акты, представленные в Ташкентском архиве могут вполне служить формальным ключом для разбора актов относительно большой древности. Если же принять в расчет, что дальнейшие находки несомненно будут идти в убывающей прогрессии от более новых актов (XIX и XVIII вв.) к более древним, то роль Ташкентского архива как первой ступени для изучения среднеазиатских документальных источников станет совершенно очевидной.

В заключение считаю небесполезным по характеру сообщения отметить условия работы исследователя в национальной секции Архива. Мною уже сообщалось, что нац. секция, недавно созданная и до сих пор сильно загруженная технической и справочной работой, не могла еще поставить научного описания своих фондов. Тем не менее технический разбор фондов и их инвентарное описание поставлены секцией на достаточную высоту, и исследователю отнюдь не придется сталкиваться с бесформенными массивами, обращение с которыми, как известно, особенно затруднительно в архивах. Необходимые материалы всегда могут быть

¹ В отличие от их изучения в качестве исторического источника, для которого неизменность формы только затрудняет исследование фактических изменений.

выбраны по описям из общего состава фондов и предоставлены для пользования исследователя.

Другим чрезвычайно благоприятным обстоятельством для работы в Ташкентском архиве является неизменное содействие и, я сказал бы, особое внимание администрации Архива по отношению к научной работе над его фондами. Все те формальные препятствия, с которыми, к сожалению, еще весьма недавно приходилось сталкиваться во многих научных учреждениях, в Центральном архиве УзССР совершенно отпадают. Администрация Архива не ставит никаких препятствий пользованию архивными материалами и неизменно заботится о предоставлении исследователю наиболее благоприятных условий места и времени для работы. Мне лично, встретившему именно такой прием в Центральном архиве УзССР, доставляет особенное удовлетворение выразить здесь мою глубокую признательность Управляющему ЦУАРДЕЛ УзССР тов. Сухоплюеву и другим сотрудникам Архива, оказавшим мне очень ценное содействие в моей работе.
